

Его спектакли записывают и транслируют на всю Европу крупнейшие мировые фирмы звукозаписи, а на премьеру «Отелло» любители оперы прилетали из Лондона, возвращаясь в Англию ночными самолетами; он работал с Филаделфийским, Чикагским, Мюнхенским, Баварским оркестрами, а в Германии ему вручили Серебряную дирижерскую палочку; прославленные «Ковент-Гарден» и «Бастилия» заключили с ним и его театром договоры о сотрудничестве. За три с небольшим года он осуществил постановку циклов опер Мусоргского и Прокофьева, выпуская по 5—6 премьер в год на разных сценах, и ведущие солисты страны специально приезжают к нему, чтобы поработать вместе...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ИЩЕТ И НАХОДИТ

Мы представляем читателям главного дирижера Ленинградского государственного академического театра оперы и балета — Валерия Гергиева. Он приезжал в Москву для участия в концерте, организованном советско-германским клубом «Мальхаймская инициатива». 22 июня в БЗК звучала музыка двух гениев немецкой и русской земли — Бетховена и Чайковского, а дирижировали Валерий Гергиев и Курт Мазур. Жутко уставший после трехчасовой репетиции Валерий обреченно посмотрел на корреспондентов, окруживших его, вздохнул... и сдался.

Корр. Как Вы оцениваете состояние музыкального театра в нашей стране?

В. Г. Неоднозначно. Есть вещи, которые меня пугают, — надвигающаяся экономическая агрессия, большая, чем прежде, зависимость от денег (стоимость костюмов, работ, удорожание жизни вообще). Не секрет, что многие музыканты покидают страну, а ведь даже наша великая держава не столь богата, чтобы на «освободившееся» место Атлантова тут же приходили 2—3 других подобных тенора...

Корр. Однако Вы находите молодых? Скажем, Ольгу Бородину, которая поет сейчас ряд главных партий...

В. Г. Поговорка «кто ищет, тот всегда найдет», может, и не совсем верна, но знаю точно — кто не ищет, вообще не найдет. Свою энергию я направляю на невозможный, казалось бы, результат — вопреки всему ставить спектакли, находить голоса. Наш театр обязан соответствовать мировому уровню. Есть такое не очень модное сегодня слово — «работать». Не митинговать, извергая фонтаны речей, не копаться в могилах Сталина и Ленина, а делать свое дело. Что касается меня — совсем недавно я поставил «Бориса Годунова» в Баварском оперном и вскоре — «Войну и мир» Прокофьева в Ленинграде. Многие в планах.

Корр. А что Вы думаете о новых независимых оперных проектах, скажем, Мамонтовской частной опере или Московском оперном центре «АРТ»?

В. Г. Я прекрасно отношусь ко времени Петербурга — Петрограда со всеми его атрибутами (и в частности, оперными сценами Мамонтова, Солодовникова). Но боюсь, что сегодня «частная опера» — не больше чем красивый лозунг. Мне кажется, необходимо во что бы то ни стало сохранить сильные Большой и Кировский, поскольку ни одна частная труппа не соберет такого оркестра, какой был в Большом 20 лет назад. Преступно переманивать из сложившихся коллективов сильных музыкантов, соблазняя их всеми земными благами, как это сделал, например, Плетнев, оголив крупные столичные оркестры. Воспитай собственных — это, по крайней мере, честно. А убегающие ручейки из крупных рек — глупейшая акция мутного времени.

Корр. Как же удастся «выжить» Вам и театру?

В. Г. Меня не покидает чувство тревоги за Кировский. Я обращался к обоим министрам — Ю. Соломину и Н. Губенко — и буду очень рад, если они смогут нам помочь. Есть у нас и спонсор — Ленинградское морское пароходство. Средняя стоимость одной нашей постановки — 1,5 миллиона долларов. И сейчас основной выход — сотрудничество с западными театрами. Это не рассчитано на критику, аплодисменты и тому подобное — это способ выжить.

Корр. А у Вас никогда не возникало желание поставить оперы наших современников?

В. Г. Мне очень интересен «Тиль Уленшпигель» Н. Каретникова, недавно познакомился с партитурой «Короля Лира» Ш. Чалаева — замечательная вещь. Подождем, когда культурное возрождение Ленинграда позволит нам расширить свои возможности, например, появится еще одна сцена. Только, упаси Бог, не такая, как в КДС...

Корр. Вы выступали в двух ролях — как оперный и как симфонический дирижер. Что Вам ближе и интереснее?

В. Г. Мне ближе хорошо сделанная работа. Конечно, славы добиться легче на симфоническом поприще, где нет массы сюрпризов, ожидающих тебя в театре, — никогда не знаешь, что случится вдруг с художником, певцами, режиссером, балетом... Но я нахожу себя и в театре, и в симфонических программах.

Корр. Вам пришлось работать с симфоническими оркестрами разных стран — заметили ли Вы какие-нибудь национальные особенности?

В. Г. По моему мнению (может, и субъективному), американские и английские оркестры не имеют ярко выраженной эмоциональной звуковой окраски — видимо, потому, что англичане от природы сдержанный народ, а американская культура национально не однородна; русские обладают даром живого чувства, не закованного в «технизм» (ведь играть бегло и чисто ноты еще не значит играть хорошо), а для немцев характерна невероятная серьезность и почти тяжеловесность переживаний, они любят поразмыслить над процессом созидания... Мне кажется, что смешение наций в Америке — трагедия. Исчезает самобытность. Вспомните, какими были американские дирижеры раньше. Мюнш, Кусевицкий, Стоковский — люди разных национальностей с индивидуальными манерой и традицией. Теперь же наблюдается тенденция к унификации.

Корр. И последний вопрос: какими качествами, по-Вашему, должен обладать идеальный дирижер?

В. Г. Идеальных дирижеров нет в природе. Лучшие дирижеры века — Фуртвенглер и Тосканини — были очень разными. Если бы из них сделать своеобразный сплав, наверное, получился бы идеальный маэстро, но точность и огненная зажигаемость Тосканини не могут соединиться с серьезным драматизмом Фуртвенглера. Мне кажется, нужно стремиться соответствовать тому произведению, которое ты исполняешь; нужно творить оркестр, его стиль и звук; не скакать с места на место, а работать с одним коллективом (как это делал Мравинский, создавший оркестр неповторимого звучания). Я буду делать то, что делаю, — время рассудит.

Отнимала последние силы у В. Гергиева

Вера ЛЫСКОВА.

Фото М. ГРУШИНА.